

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

1

СЕРБОСЛОВЕНСКО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах Том первый. Живопись. Скульптура. Музыка Редколлегия: Е. Д. Стасова, С. К. Исаков, М. В. Доброклонский, А. Н. Дмитриев, Е. В. Астафьев // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952
FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0
UUID: 895DC24A-E447-4EEE-8208-3AD5BC5B33C0
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

**Славянский концерт г.
Балакирева**
(Музыкальная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1	0005
Комментарии	0012

В. В. Стасов
Славянский концерт г.
Балакирева

Сегодняшний славянский концерт г. Балакирева был, можно сказать, продолжением вчерашнего славянского обеда. Наши дорогие гости со славянского запада встретили и в зале думы, великолепно убранной и сиявшей бесчисленными огнями, тот же торжественный прием, что и в зале дворянского собрания, который должен свидетельствовать им о том значении, какое имеет для нас первый приезд их к нам. Гербы всех славянских национальностей и флаги с их народными цветами были расположены по всему протяжению хор; эстрада для оркестра была сплошь увешана фестонами трехцветной драпировки, группы из трехцветных же знамен стояли по двум концам эстрады; на верху портрета государя императора, помещенного в глубине залы, были также расположены знамена, но уже с русскими национальными цветами.

Таким образом, зала думы представляла чрезвычайно блестящий и оживленный вид. Не все славянские наши гости могли поспеть к началу концерта: часть их была сегодня на обеде у г. министра народного просвещения; но когда они приехали и вошли в залу, их

встретили громогласные рукоплескания и клики: слава Ригеру, слава Палацкому! Долго продолжались эти клики, и только после того, как эти представители славянских депутатов отвечали со своих мест поклонами публике, замолкли, наконец, рукоплескания, клики «слава», и концерт мог продолжаться.

Как наши читатели уже знают из газетных объявлений и афиш, концерт г. Балакирева был составлен из пьес, из которых каждая относилась к той или другой славянской национальности. Так, представителем великорусского элемента явилась «Камаринская» Глинки; представителем малороссийского элемента — «Казачок» Даргомыжского; чешский элемент был изображен в увертюре на чешские темы г. Балакирева, сербский — в увертюре на сербские темы г. Римского-Корсакова, словацкий — в фантазии на «словацкие» (неправильно называемые венгерскими) темы Листа, польский — в арии из оперы г. Монюшко. Таким образом, кроме последней пьесы, все остальные, самые капитальные пьесы концерта, были инструментальные. Это имеет свое глубокое значение: большинство приме-

чательнейших музыкальных произведений, созданных славянским гением, заключается в сочинениях инструментальных. Здесь славяне необыкновенно скоро сходятся во вкусах, здесь они скорее всего уразумевают друг друга, сливаются в одном общем чувстве, в одном общем восторге. «Камаринская» была потребована два раза, увертюра на сербские темы — тоже, и, кажется, если б не боязнь страшно утомить и оркестр, и дирижера, были бы повторены и все остальные инструментальные пьесы. Весело было пробежать взором по рядам славянских гостей, поместившихся в первых двух или трех рядах залы: все лица оживлены, не встретишь ни одного рассеянного, скучающего или равнодушного лица. Сразу видишь, что тут сидят люди, которым музыка дорогое национальное искусство, которым язык — свой родной. Надо было только взглянуть на все эти южные, энергические лица, с чудными, сверкающими глазами, увидеть выражение этих лиц, чтоб наперед знать, что вот кончится сейчас та или эта пьеса, и зала наполнится нескончаемыми взрывами криков и рукоплесканий. У нас в

театре, в концерте, редко найдешь собрание таких слушателей, хотя бы играли эту же самую «Камаринскую», этого же самого «Казачка», хотя бы дирижировал этот же самый Балакирев, с тем же самым мастерством, энергиею и страстью, как сегодня. После пьес, особенно их поразивших, сербы кричали свое: живио, живио! (браво!), чехи — свое: слава, слава! Наверное можно сказать, что сегодняшней концерт будет иметь особенное значение для всех их: где же могли они слышать, в один вечер, столько превосходных, столько увлекательных созданий славянского музыкального творчества? Где могли они присутствовать при таком высокохудожественном управлении оркестром рукою славянского дирижера, как сегодня? И они живо это сознают: чехи, еще так недавно узнавшие, под управлением г. Балакирева, какая у славян есть теперь опера — «Руслан и Людмила», чехи привезли с собою из Праги великолепный подарок своему любезному русскому капельнику (капельмейстеру): Ригер и вместе с ним другие чехи, перед началом второй части концерта, встали со своих мест и подали пер-

вому, лучшему нашему капельмейстеру Балакиреву — дирижерскую палочку, всю резную из слоновой кости, такой чудной работы, что эта вещь наверное заняла бы видное место на парижской всемирной выставке. Внизу выпуклыми буквами написано: Прага 1867 г. Немного выше, на ручке: Пушкин, Глинка. Отсюда кверху вьющейся ленточкой идут имена всех главных действующих лиц оперы «Руслан и Людмила». На превосходном ящике из деревянной, необыкновенно изящной мозаики написано резными буквами: Славянскому умельцу (художнику) М. А. Балакиреву. Читатели наши легко себе представят, какие оглушительные бесконечные рукоплескания поднялись в зале при этом поднесении. Но после увертюры на чешские темы автору ее, г. Балакиреву, поднесен был еще большой лавровый венок, перевитый золотыми лентами и перехваченный резным золотым аграфом, с портретом М. И. Глинки и надписью вокруг: М. А. Балакиреву, 12 мая 1867 г. Если мы не ошибаемся, маленькие ручки петербургских дам перевязали этот венок золотыми лентами. Кажется, г. Балакирев не может быть недоволен

первым своим инструментальным концертом. Ему выпало на долю то счастье, что этот концерт его был первым всеславянским концертом и что выборные люди всех земель славянских сошлись полюбоваться на его талант и высказать ему свое сочувствие.

В заключение нам остается упомянуть о трех солистах этого концерта. Г-н Кросс мастерски, с величайшей тонкостью и вместе энергией выполнил трудную партию в страстной и увлекательной фантазии Листа на венгерские темы; г. Петров спел, как, конечно, никто кроме него в Петербурге не спет, «Ночной смотр» — одно из гениальнейших созданий нашего великого Глинки; наконец, г-жа Платонова со всем всегдашним своим изяществом и вкусом дала нашей публике узнать прелестную, но, к несчастью, слишком мало знаемую, слишком еще мало ценимую у нас вещицу г. Балакирева: «Золотая рыбка», романс на слова Лермонтова. Тут все поразительно: и чудные красоты звука, и страсть, и увлекающие, волшебные глубины чувства. Таких музыкальных созданий мало во всей европейской музыке.

Кончим наши заметки желанием: дай бог, чтоб наши славянские гости никогда не забыли сегодняшнего концерта, дай бог, чтоб они навсегда сохранили воспоминание о том, сколько поэзии, чувства, таланта и умения есть у маленькой, но уже могучей кучки русских музыкантов.

1867 г.

Комментарии

Общие замечания

Все статьи и исследования, написанные Стасовым до 1886 года включительно, даются по его единственному прижизненному «Собранию сочинений» (три тома, 1894, СПб., и четвертый дополнительный том, 1906, СПб.). Работы, опубликованные в период с 1887 по 1906 год, воспроизводятся с последних прижизненных изданий (брошюры, книги) или с первого (газеты, журналы), если оно является единственным. В комментариях к каждой статье указывается, где и когда она была впервые опубликована. Если текст дается с другого издания, сделаны соответствующие оговорки.

Отклонения от точной передачи текста с избранного для публикации прижизненного стасовского издания допущены лишь в целях исправления явных опечаток.

В тех случаях, когда в стасовском тексте при цитировании писем, дневников и прочих материалов, принадлежащих разным лицам, обнаруживалось расхождение с подлинни-

ком, то вне зависимости от причин этого (напр., неразборчивость почерка автора цитируемого документа или цитирование стихотворения на память) изменений в текст Стасова не вносилось и в комментариях эти случаи не оговариваются. Унификация различного рода подстрочных примечаний от имени Стасова и редакций его прижизненного «Собрания сочинений» 1894 года и дополнительного IV тома 1906 года осуществлялась на основе следующих принципов:

а) Примечания, данные в прижизненном издании «Собрания сочинений» Стасова с пометкой «В. С.» («Владимир Стасов»), воспроизводятся с таким же обозначением.

б) Из примечаний, данных в «Собрании сочинений» с пометкой «Ред.» («Редакция») и вообще без всяких указаний, выведены и поставлены под знак «В. С.» те, которые идут от первого лица и явно принадлежат Стасову.

в) Все остальные примечания сочтены принадлежащими редакциям изданий 1894 и 1906 годов и даются без каких-либо оговорок.

г) В том случае, когда в прижизненном издании в подстрочном примечании за подпи-

сью «В. С.» расшифровываются имена и фамилии, отмеченные в основном тексте инициалами, эта расшифровка включается в основной текст в прямых скобках. В остальных случаях расшифровка остается в подстрочнике и дается с пометкой «В. С.», т. е. как в издании, принятом за основу, или без всякой пометки, что означает принадлежность ее редакции прижизненного издания.

д) Никаких примечаний от редакции нашего издания (издательства «Искусство») в подстрочнике к тексту Стасова не дается.

В комментариях, в целях унификации ссылок на источники, приняты следующие обозначения:

а) Указания на соответствующий том «Собрания сочинений» Стасова 1894 года даются обозначением — «Собр. соч.», с указанием тома римской цифрой (по типу: «Собр. соч.», т. I).

б) Указание на соответствующий том нашего издания дается арабской цифрой (по типу: «см. т. 1»)

в) Для указаний на источники, наиболее часто упоминаемые, приняты следующие

условные обозначения:

И. Н. Крамской. Письма, т. II, Изогиз, 1937 — «I»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I, «Искусство», 1948 — «II»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II, «Искусство», 1949 — «III»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. III, «Искусство», 1950 — «IV»

Указание на страницы данных изданий дается арабской цифрой по типу: «I, 14».

Славянский концерт г. Балакирева

Статья впервые напечатана в 1867 году за подписью «С.» («С.-Петербургские ведомости», 13 мая, № 130).

В 1856 году в ответ на усилившуюся в Европе пропаганду против сближения России с славянскими народами кружком московских славянофилов во главе с М. П. Погодиным и И. С. Аксаковым был организован Славянский благотворительный комитет.

В 1867 году при участии комитета состоялся созыв первого Славянского съезда, приуроченный к открытию Московской этнографи-

ческой выставки. 8 мая в Петербург приехало свыше 70 делегатов от чехов, сербов, хорватов, словаков, словенцев, лужичан из Саксонии, русских из Галиции и Венгрии во главе с выдающимися политическими деятелями.

Торжества по случаю приезда гостей продолжались почти неделю. Было дано три спектакля, в числе которых — «Жизнь за царя» Глинки, прошло торжественное заседание в Академии наук в отделении словесности и языкознания, был дан парадный обед на 600 персон в зале дворянского собрания, во время которого произносились речи о единении славян и исполнялись хором русской оперной труппы и оркестром чешские, сербские и русские песни; наконец, 12 мая в зале городской думы под управлением Балакирева состоялся так называемый славянский концерт.

Выбор Балакирева в качестве дирижера не случаен. Еще до съезда, по словам Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакирев «сильно стал очень часто интересоваться славянскими делами». В его квартире постоянно можно было встретить приезжавших в Россию сла-

вян, с которыми он вел оживленные разговоры.

Интерес к славянскому вопросу пробудил интерес и к славянской музыке. В 1866–1867 годах Балакирев стал усердно заниматься просмотром различных народных песен, главным образом славянских и мадьярских.

Вместе с ним смотрел песни и Римский-Корсаков, восхищавшийся балакиревским исполнением этих песен и сделанной им их изящной гармонизацией (Н. А. Римский-Корсаков. «Летопись моей музыкальной жизни», изд. V, стр. 71).

В связи с просмотром песен и предполагавшимся в честь приезда славян концертом, Балакирев, видимо, и написал свою чешскую увертюру. На данные им Римскому-Корсакову темы была написана и «Сербская фантазия».

В программе концерта, кроме перечисленных в статье Стасова сочинений, стояли увертюра к опере «Ундина» Львова, романсы Даргомыжского и Римского-Корсакова, словацкий марш Берлиоза; под упоминаемой в статье оперой Монюшки имелась в виду «Галь-

ка».

Приезд славян в Петербург и сопровождавшие его торжества расценивались прессой как историческое событие. В передовой «С.-Петербургских ведомостей» в день славянского концерта говорилось, что «брошенное сегодня зерно не может не пустить от себя ростков и не дать своего единственного плода — свободы всего славянского племени» (1867, 12 мая, № 129).

Историческое значение приезда славян отмечал и Стасов, видя в этом проявление растущих связей славянских народов. Приветствуя дебют Балакирева, считавшегося им лучшим русским дирижером, он особо подчеркивал значение его выступления именно на первом «всеславянском» концерте, на котором «выборные люди всех земель славянских сошлись полюбоваться» на талантливо-го русского композитора и „высказать ему свое сочувствие“. Славянский концерт, с точки зрения Стасова, был демонстрацией достижений новой русской музыкальной школы не только перед Россией, но и перед Европой, демонстрацией национального искусства пе-

ред людьми, „которым музыка дорога как национальное искусство“. [1]

Во главе этого нового русского искусства шла небольшая группа близких Стасову музыкантов, которых он впервые в данной статье назвал „могучей кучкой“. Это выражение, давшее повод к насмешкам реакционной критики, прочно вошло в жизнь, лишний раз доказав, насколько правильны были оценки Стасова.

М. П. Блинова

Примечания

Курсив мой. — М. Б.

[^^^]